

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК МОНГОЛИИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

им. С.И. ВАВИЛОВА РАН,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

**МОНГОЛЬСКО-РОССИЙСКОЕ
НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:
*от Ученого комитета до Академии наук***

Редакторы-составители: С. Чулуун
Т.И. Юсупова

Уланбатор
2012

DDC
491.7
M-97

Монгольско-российское научное сотрудничество: от Ученого комитета до Академии наук. Сборник статей / Редакторы-составители С. Чулуун, Т. Юсупова. – Улаанбаатар: Издательство ADMON, 2012. – 180 с.

В материалах сборника на примере деятельности монгольских и российских ученых в Монголии и для Монголии показаны особенности установления и развития монгольско-российского научного сотрудничества, рассмотрен их вклад в создание естественно-научных и гуманитарных направлений монгольской науки и изучение страны. Используемые при подготовке статей многочисленные архивные материалы помогают раскрыть влияние сложных исторических процессов, происходивших в монгольском обществе, на деятельность Ученого комитета и его взаимодействие с российскими исследователями и научными учреждениями в этот период, демонстрируют искреннюю заинтересованность российских ученых в работе в Монголии, в контактах с монгольскими коллегами.

В приложении публикуются письма ученого секретаря Монгольского Учкома Ц.Ж. Жамцарано к неперемennomу секретарю РАН, академику С.Ф. Ольденбургу и ученого секретаря Комитета наук М.И. Тубянского к академику Ф.И. Щербатскому, которые иллюстрируют организационное становление и выработку основных направлений научного сотрудничества Монголии и России в 1920–1930-х гг.

Сборник адресуется историкам науки, монголоведам, а также всем, кто интересуется историей Монголии в XX веке и монгольско-российского сотрудничества.

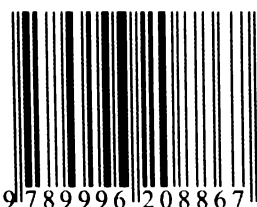
Mongolian-Russian Academic cooperation: From the Scientific Committee towards the Academy of Sciences. Collection of articles / Ed. by S. Chuluun, T. Yusupova.

The collection of articles examines the activities of several leading Mongolian and Russian academics who worked in Mongolia and for Mongolia from 1920 to 1950. It describes the unique character of the origins and development of Mongolian-Russian scholarly cooperation as well its contribution to Mongolian Studies. Based on research in various archives, the authors shed new light on twentieth century Mongolian history, the activities of the Mongolian Scientific Committee and its cooperation with Russian scholars and scientific institutions. The chapters also highlight the sincere personal interests of the Russian scientists in their work in Mongolia and in their contacts with Mongolian colleagues.

Appended to the volume are letters of the academic secretary of the Mongolian Scientific Committee Ts.J. Zhamtsarano to the permanent secretary of the Russian Academy of Sciences S.F. Oldenburg and those from the Orientalist M.I. Tubiansky to the Buddhologist F.I. Stcherbatskoi. This correspondence shows the process of formation of the Russian-Mongolian cooperation in the first decades of the Mongolian Scientific Committee.

The publication is intended for historians of science, Mongolists and those interested in the history of Mongolia and Mongolian-Russian cooperation in the twentieth century.

ISBN 978-99962-0-886-7

9 789996 208867

- © С.Чулуун, Т.И.Юсупова, 2012
- © Институт Истории Академии наук Монголии, Институт истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН, Санкт-Петербургский филиал
- © Издательство «Адмон», 2012

В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек

С.А. КОНДРАТЬЕВ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УЧЕНОМ КОМИТЕТЕ МОНГОЛИИ

Сергей Александрович Кондратьев (1896–1970) внес значительный вклад в развитие монголоведения и русско-монгольского научного взаимодействия, оставил интересное рукописное наследие, включающее дневники, письма, прозу, поэзию. Все это хранится на его родине и в стране, с которой он был тесно связан в молодые годы: в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве, в архивах Института материальной культуры и Музея-квартиры П.К. Козлова в Санкт-Петербурге, в Краеведческом музее г. Кяхты, в архиве Института мерзлотоведения в Монголии (позже переданы в архив Института истории Академии наук Монголии) и в частных архивах монгольских коллекционеров и историков, занимающихся историей Ученого комитета МНР.

В творческом пути, да и во всей жизни С.А. Кондратьева отчетливо видны три периода: домонгольский (1896–1923), монгольский (1923–1930) и московский (1931–1970), причем монгольский период включает два этапа: 1) «экспедиционный» — участие в 1923–1925 гг. в Монголо-Тибетской экспедиции (1923–1926) известного путешественника и исследователя Центральной Азии П.К. Козлова и 2) «учкомовский» — работа в 1925–1930 гг. в Ученом комитете Монголии.

Дневники и письма С.А. Кондратьева

Деятельность С.А. Кондратьева в монгольский период и его впечатления отразились в его дневниках 1923–1926 и 1928 гг. Они являются полезной документальной базой для изучения российско-монгольских научных связей 1920-х гг. и по-своему дополняют дневники самого П.К. Козлова¹.

Монгольские дневники С.А. Кондратьева сохранили для нас увлекательное повествование о жизни, этнографии, культуре и быте монголов. Первый дневник включает записи, относящиеся главным образом к периоду с июля 1923 г. по июль 1924 г., второй написан с января по июнь 1925 г., третий – с августа по октябрь 1928 г. Они дают возможность пристальнее взглянуть на организацию работы экспедиции П.К. Козлова и внутреннюю жизнь ее участников. В них раскрывается отношение к экспедиции, сложившееся в высших политических кругах страны, отражена атмосфера жизни во время

¹ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926 / Ред.-сост. Т.И. Юсупова; сост. А.И. Андреев. СПб., 2003. – Научное наследство. Т. 30.

проведения археологических раскопок на знаменитых ноин-улинских курганах, давших миру богатые материалы одного из малоизученных периодов истории и культуры Центральной Азии.

Третий дневник С.А. Кондратьева (1928), который он вел в период своей работы в Ученом комитете МНР, интересен описанием флоры и фауны северо-востока страны, фиксацией маршрутов возглавленных им экспедиций. Все они позволяют не только высветить деятельность С.А. Кондратьева в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова и в Ученом комитете, но и раскрывают мир удивительно глубокого, внимательного, лиричного автора.

Монгольские дневники С.А. Кондратьева интересны и как историко-этнографический источник. В них приведены живые характеристики некоторых участников экспедиции и встреченных им людей: П.К. Козлова, Е.В. Козловой (Пушкаревой), Е.П. Горбуновой (сестра управляющего делами СНК СССР Н.П. Горбунова), Ц.Ж. Жамцарано и др.; содержатся подробные сведения об имуществе экспедиции, географические описания и астрономические измерения, этнокультурные наблюдения и сведения о денежном обращении, описание курганов и находок в них, кулинарно-гастрономические впечатления и др.

К московскому периоду относится дневник-эссе «Мысли о жизни», написанный С.А. Кондратьевым в 1949 г. в Москве. В нем дана оценка политической, экономической и культурной жизни сталинской России, приведены характеристики многих деятелей науки и культуры того времени. Эти дневники ныне опубликованы².

Эпистолярное наследие С.А. Кондратьева достаточно велико. В архиве Музея-квартиры П.К. Козлова отложилась обширная переписка С.А. Кондратьева и Е.В. Козловой, с которой он был дружен до конца своих дней. Существуют письма к нему его отца. Опубликованы письма М.А. Кондратьева к Ц.Ж. Жамцарано³ и письма к С.А. Кондратьеву его сестры С.А. Павловой (урожд. Кондратьевой) из блокадного Ленинграда⁴.

Оценка научного наследия и творческой личности неумолимого исследователя Монголии, старшего помощника П.К. Козлова в Монголо-

² Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России / Подг. текста, предисл., введ., коммент. и указ. И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков. СПб., 2006.

³ *Кульганек И.В., Васильев Д.Д.* С.А. Кондратьев — Ц. Жамцарано // *Mongolica-IV: Сб. статей / Сост. И.В. Кульганек.* СПб., 1998. С. 106–112. О Ц.Ж. Жамцарано см.: *Решетов А.М.* Наука и политика в судьбе Ц.Ж. Жамцарано // *Orient: Альманах.* / Гл. ред. Е.А. Хамаганова. СПб., 1998. Вып. 2–3. С. 5–55; *Он же.* Переписка Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом и Б.Я. Владимирцовым // Там же. С. 56–89.

⁴ Письма-дневник из блокады / Публ., предисл. и коммент. В.Ю. Жукова и Н.Л. Марковой // *Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга.* СПб., 2000. Вып. 5: Материалы к истории блокадного Ленинграда. С. 175–191.

Тибетской экспедиции 1923–1926 гг., сотрудника Ученого комитета МНР С.А. Кондратьева дана⁵. Но интерес к этой личности и масштабу деятельности Кондратьева в Монголии сохраняется.

С.А. Кондратьев: штрихи к портрету монголоведа (домонгольский период)

Сергей Александрович Кондратьев, первоначально принятый в состав Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. с разрешения Н.П. Горбунова⁶ в качестве одного из конвойных для ее охраны, стал впоследствии старшим помощником П.К. Козлова. 21 ноября 1923 г. Петр Кузьмич сказал ему: «Я могу выразить Вам свою признательность только тем, что произвожу вас в старшие помощники».

Сергей Александрович был человеком напряженной мысли, большой эрудиции и творческого потенциала, широкого научного диапазона. Этнограф-ориенталист, археолог и путешественник; композитор, музыковед-фольклорист, исследователь русской, монгольской, якутской и коми народной музыки; переводчик, поэт и автор нескольких научных и научно-популярных книг. Окончил гимназию (1914), командное пехотное училище в Иркутске в конце Первой мировой войны и получил незаконченное высшее образование (три курса) в Петроградском университете. Принимал участие в Гражданской войне, провел в Монголии в общей сложности около шести лет. Член Русского географического общества (с 1923 г.) и Союза композиторов СССР (с конца 1930-х гг.).

Родился Сергей Александрович в Петербурге в семье доктора физико-математических наук, профессора, старшего астронома и ученого секретаря Николаевской Главной (Пулковской) астрономической обсерватории Академии наук Александра Александровича Кондратьева (1867–1936). Мать — Ксения Степановна (Стефаньевна) (урожд. Аренская, 1868–1922) — была младшей сестрой композитора, пианиста и дирижера, профессора Московской консерватории А.С. Аренского (1861–1906).

Детство Сергей Кондратьев провел в Пулкове. Сергей с детства был окружен музыкой. Музыкальное образование он получил у своей тети-пианистки М.С. Аренской; музыкально-теоретическими предметами

⁵ Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева...

⁶ Николай Петрович Горбунов (1892–1938) — государственный и политический деятель, с 1917 г. личный секретарь В.И. Ленина и секретарь Совнаркома, с 1920 г. управляющий делами Совнаркома РСФСР, с 1922 г. — Совнаркома СССР. Академик АН СССР (1935–1938, посмертно восстановлен в АН в 1955 г.). В 1935–1937 гг. непреременный секретарь АН СССР. Правительственный куратор Монголо-Тибетской экспедиции. Арестован и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован в 1954 г.

(композицией) занимался с композитором и педагогом М.М. Черновым (1878–1938).

Впоследствии С.А. Кондратьев обучался игре на виолончели (играл в струнном квартете), в Монголии учился игре на цуре (монгольская флейта) и других музыкальных инструментах. Стихи и музыку Кондратьев начал сочинять с 15-летнего возраста. Рояль был для него, по его словам, «ежедневной радостью». Отец показывал сына (и его музыкальные сочинения) композитору А. К. Глазунову, тот советовал поступать в консерваторию, но Сергей Кондратьев предпочел иной жизненный путь. По окончании гимназии он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петроградского университета, который не окончил. Помешали сначала война, а затем в его жизнь вошла Монголия.

Шла Первая мировая война. В 1916 г. с третьего курса он был призван как студент для пополнения командного состава армии и по собственному выбору направлен в пехотное училище в Иркутск (Сибирь была наиболее близка к тем краям, по которым он с гимназических лет мечтал странствовать). Окончил училище с хорошими показателями (в том числе по стрельбе из винтовки по неподвижным мишеням) и был направлен на службу во 2-й дивизион 1-й запасной тяжелой артиллерийской бригады в Гатчине, что соответствовало его желанию. Осенью 1918 г. С.А. Кондратьеву предстояла отправка на фронт, но революция привела к распаду старой армии и Брестскому миру.

После демобилизации в конце 1917 г. Сергей Александрович поступил на службу в Гидрографическое управление, от которого был вскоре командирован в Пулковскую обсерваторию для усовершенствования в области астрономических и геодезических знаний (с конца 1917 по весну 1919 г.). Одновременно в 1918 г. преподавал в 8-й школе 2-й ступени в Петрограде. Весной 1919 г. его вновь призвали, на этот раз в Красную армию, и отправили инструктором на пехотные курсы в Воронеж, откуда после разгрома денкинского наступления на Москву летом-осенью 1919 г. курсы были переведены в Новочеркасск. В 1920 г. он принимал участие в боевых походах Красной армии.

Гражданская война в европейской части России завершилась, и С.А. Кондратьев в 1921 г. был освобожден от военной службы как школьный работник. Переехав в Москву, он поступил в только что организованный Институт востоковедения на индустанское (индийское) отделение, где углубленно и систематизированно занялся изучением Востока (до этого самостоятельно изучал литературу об Индии, много прочел по буддизму, к которому испытывал, по его словам, «напряженный интерес»). Через год, осенью 1922 г., перевелся в Петроград на третий курс недавно открытого

Петроградского института живых восточных языков (ПИЖВЯ) и параллельно вновь поступил в Петроградский университет, чтобы его окончить.

Но в 1923 г. без всяких сожалений бросил его (и ПИЖВЯ) ради экспедиции в Монголию, страну, о которой он давно мечтал. В молодости Сергей Александрович много занимался спортом, имел опыт боевых походов, отличался выносливостью и большой работоспособностью, увлекался Востоком и буддизмом, мечтал об Индии и небезосновательно считал себя подготовленным к дальним странствиям, лейтмотивом его настроения была «тоска по чужим мирам».

В декабре 1922 г. С.А. Кондратьев обращается к П.К. Козлову с просьбой включить его в состав готовящейся экспедиции в Монголию. Он мотивирует это желанием осуществить свою «давнишнюю мечту — путешествие в Азию» и «попасть в Тибет». Это письмо, ставшее для Сергея Александровича стартовым в его жизни и даже, как теперь говорят, — судьбоносным, П.К. Козлов передал Н.П. Горбунову — тогда личному секретарю В.И. Ленина и секретарю (затем управляющему делами) Совнаркома, курировавшему экспедицию со стороны правительства. На письме стоит резолюция Н.П. Горбунова с его подписью: «Зачислен в конвой экспедиции с 1 марта 1923 г.». Монголо-Тибетская экспедиция определила научные интересы Сергея Александровича и повлияла на его художественные пристрастия. Он навсегда «заболел» Монголией, живой интерес к которой красной нитью проходит через всю его жизнь и творчество. «Тень Монголии» (как назвал он один из разделов своей стихотворной тетради 1923–1938 гг.) была всегда с ним. В других странах он никогда не бывал.

Монгольский период жизни и творчества С.А. Кондратьева.

Экспедиционный этап

С.А. Кондратьев как старший помощником П.К. Козлова выполнял разнообразные организационные поручения руководителя. Но главным его делом стало непосредственно руководство ракопками в Ноин-Уле, где вместе с другими сотрудниками почти безвыездно полтора года переносил все тяготы суровой бивачной жизни.

Из более чем двух десятков ноин-улинских курганов были раскопаны восемь. Они дали неожиданно сенсационные результаты, принадлежащие к числу выдающихся достижений археологии первой четверти XX в. В них были обнаружены погребения гуннской знати с большим количеством вещевого материала. Эти огромной научной значимости находки расширили представление о взаимоотношениях народов Запада и Востока в древности, оказали неоценимую помощь в изучении различных культур и истории хунну.

Наряду с некоторыми другими участниками экспедиции С.А. Кондратьев внес в ее работу «особенно большой вклад»⁷. По оценке самого П.К. Козлова, «милый, хороший»⁸ «вдумчивый»⁹ С.А. Кондратьев отличался «настойчивостью и энергией»¹⁰, «нравственными устоями, благородством, дисциплиной и любовью к интересам науки вообще и к научным задачам Тибетской экспедиции в частности»¹¹. С ним П.К. Козлову было «очень приятно иметь общение»¹². Петр Кузьмич, ласково называвший Сергея Александровича «наш композитор»,¹³ отмечал, «Кондратьев наш продолжает радовать меня своим успешным занятием в области музыки»¹⁴, «добыл ... музыкальные данные»¹⁵ и вообще «играл на рояле, конечно, превосходно»¹⁶.

Ключевым для понимания роли С.А. Кондратьева в Монголо-Тибетской экспедиции и вообще в развитии российско-монгольских научных и культурных связей этого периода кроме названного представляется особое задание, которое он получил от молодого монгольского правительства в лице ученого секретаря Учкома Ц. Ж. Жамцарано. Предоставим слово самому С.А. Кондратьеву (дневниковая запись от 10 октября 1923 г.): «я стал беседовать с Жамцарано... о моих предполагаемых музыкальных исследованиях. Оказывается, монгольское правительство уже давно настойчиво хочет собрать и зафиксировать монгольские мелодии и для этой цели даже пыталось пригласить из России образованных музыкантов, но никто не вызвался приехать. Таким образом, я прибыл к ним как *Deus ex machina*¹⁷. Поэтому перспективы в моей музыкальной работе — блестящие.

Судя по намерениям Жамцарано, перед моими ушами продефилируют певцы из всевозможных мест Монголии, а может быть, и из Тибета. Меня познакомят также со всеми местными музыкальными инструментами. Для привлечения певцов монгольское правительство ассигнует некоторую сумму денег.

Покончив разговор о способах моей работы, я ... стал расспрашивать Ж[амцарано] о местных палеонтологических находках и о дальнейших раскопках в интересных местах силами экспедиции. Ж[амцарано] показал

⁷ Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926... С. 18.

⁸ Там же. С. 117.

⁹ Там же. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 63.

¹¹ Там же. С. 216.

¹² Там же. С. 151.

¹³ Там же. С. 312.

¹⁴ Там же. С. 53.

¹⁵ Там же. С. 49.

¹⁶ Там же. С. 148.

¹⁷ *Deus ex machina* (букв.: Бог из машины) — лат. поговорка, означающая неожиданное появление чего-либо.

мне имеющийся у них палеонтологический материал — шейные и поясные позвонки и бедра какого-то огромного млекопитающего, может быть, носорога, но не выказал особого интереса к этой теме. „Кости полежат“, — сказал он, — ударной мы считаем Вашу работу“».

В Монголии Сергей Александрович начинает изучать и записывать монгольский музыкальный и песенный фольклор, собирать местные музыкальные инструменты. Большую помощь в этом ему оказывает Ц.Ж. Жамцарано, сам большой любитель старины и собиратель монгольской народной литературы, о котором российский монголовед А.Д. Руднев писал в свое время, что тот «собрал такое изумительное количество образцов монгольского народного фольклора, которое, кажется, до него никто не собирал»¹⁸. Ц.Ж. Жамцарано создает ему благоприятные условия для записи монгольских музыки и песен: знакомит его с самыми выдающимися монгольскими певцами того времени, такими как М.Х. Дугаржаб, ставший впоследствии ведущим басом в монгольском оперном театре, приглашает на встречи с Сергеем Александровичем жителей разных районов Монголии, приезжавших в Улан-Батор, с тем чтобы С.А. Кондратьев получил возможность познакомиться с музыкой различных монгольских племен.

Некоторые мелодии он фиксировал на фонографе. С.А. Кондратьев назовет осень 1923 г. исключительно благоприятной для занятий по сбору монгольского фольклора. Осенью-зимой 1923/1924 г. в Улан-Баторе, до отъезда экспедиции в Судзуктэ в марте 1924 г. на место раскопок гуннских курганов, С.А. Кондратьев записал около двух сотен монгольских песен и наигрышей. Впоследствии они легли в основу его книги.¹⁹ Его статья о работе по изучению монгольской музыки в октябре-декабре 1923 г. в Улан-Баторе, в которой автор дает определение вокальных качеств и палитры нюансов голоса монгольских исполнителей, мелодии, перечисляет монгольские инструменты, была одним из первых исследований подобного рода²⁰. Собранный им коллекция народных музыкальных инструментов, среди которых есть морин-хур, ятага, шанза, хучир, находится в настоящее время в Государственном музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге.

Продолжая традиции изучения и собирания монгольского фольклора, начатого русскими монголооведами Б.Я. Владимирцовым и А.Д. Рудневым, он впервые обосновал некоторые положения теории монгольской музыки. Относясь бережно к сделанному предшественниками, С.А. Кондратьев

¹⁸ Жамцарано Ц., Руднев А.Д. Образцы народной словесности монгольских племен. Пг., 1918. Т. 1. Вып. 3. С. 11.

¹⁹ Кондратьев С. Музыка монгольского эпоса и песен. М., 1970. 248 с.

²⁰ Кондратьев С.А. О работах по изучению монгольской музыки в октябре-декабре 1923 г. в Урге // Известия РГО. 1924. Т. 56. Вып. 1. С. 173–176 (отчет о работе).

восстановил тесситуру²¹ напевов, записанных Б.Я. Владимирцовым в его поездках к приволжским калмыкам и монгольским ойратам. Эти записи хранятся в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Он подтвердил также правильность догадок Б.Я. Владимирцова, не имевшего музыкального образования, о приоритете в монгольских былинах мелодий над размером и темпом.

С.А. Кондратьев был одним из инициаторов создания монгольского Национального музея. По этому поводу он записывает в своем дневнике: «Показывал Жамцарано погребальное помещение верхнего кургана. По дороге домой я изложил ему план работы, проектируемой мной инициативной группы по созданию монгольского Национального музея. Он отнесся к этому проекту весьма сочувственно... Жамцарано все время приглашает меня работать в Монголии» (запись от 2 мая 1925 г.).

В начале лета 1925 г., после завершения основных раскопок в Ноин-Уле, представив начальнику экспедиции П.К. Козлову отчет о проделанной за время своего пребывания в экспедиции работе, С.А. Кондратьев отправляется в короткий отпуск в Россию, где навестил родных в Пулково.

«Учкомовский» этап

Второй этап, как уже говорилось, связан с Ученым комитетом Монголии, в работе которого велика роль российских исследователей, в том числе С.А. Кондратьева и его друзей, будущих известных монголоведов — Н.П. Шастиной²², А.Д. Симукова²³ и др.

После недолгого отдыха в СССР Сергей Александрович в 1925 г. возвращается в Монголию и приступает к работе в Ученом комитете. По собственным подсчетам С.А. Кондратьева, в период с 1925 г. по 1930 г. он в

²¹ Тесситура (лат. *tessitura*) — высотное положение звуков в музыкальном произведении по отношению к диапазону певческого голоса или музыкального инструмента.

²² Нина Павловна Шастина (1898–1980) — ученый-монголовед, старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР, автор более 70 научных работ. Работала в Ученом комитете МНР с 1928 по 1936 г.

²³ Андрей Дмитриевич Симуков (1902–1942) — географ, исследователь Монголии, участник Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1923–1926 гг., сотрудник Ученого комитета (с 1929 г. Комитет наук) МНР (1923–1939). С 1927 г. заведовал кабинетом географии Учкома, проводил широкие экспедиционные исследования Монголии. Составил Географический и Экономический атласы Монголии, сельскохозяйственную карту, карты растительности, климатических поясов, монастырей, административных районов Монголии и др. Удостоен высшей правительственной награды Монголии — ордена «Полярной Звезды» (1936). Арестован в Улан-Баторе 19 сентября 1939 г. Скончался в лагере в поселке Абезь (Республика Коми) 15 апреля 1942 г. Реабилитирован в 1956 г. О А.Д. Симукове см.: *Симукова Н.А.* Имя А.Д. Симукова возвращается в науку // Монголика-III: Сб. ст. / Сост. и авт. предисл. И.В. Кульганек. СПб., 1994. С. 57–60; *Симуков А.Д.* Труды о Монголии и для Монголии / Сост.: Ю. Конагая, С. Баяраа, И. Лхагвасурэн. Осака, 2008. Т. 1–3.

общей сложности провел в Монголии 5 лет 11 месяцев 29 дней.

В годы работы в Учкоме С.А. Кондратьев объездил в составе различных отрядов почти всю центральную часть Монголии, неоднократно бывал на севере и северо-востоке страны. Основной целью этих естественно-научных экспедиций было изучение ее флоры, фауны и географии. Он исследует Хентэйские и Хангайские горы, а 14 августа 1928 г. осуществляет (совместно с топографом Большаковым) первое восхождение на высочайшую вершину Хангая — Отгон-тэнгри, определив ее абсолютную высоту. Он организует метеорологическую станцию. Свои наблюдения и обобщения Сергей Александрович отразил в статьях о климате ряда районов Монголии. Есть у исследователя научные статьи и по географии этого региона.

Кондратьев продолжает самостоятельные изыскания по собиранию монгольского музыкального фольклора и эпоса. В неопубликованной рукописи С.А. Кондратьева «Музыка улигера» (1931) особенное внимание уделено монгольскому эпосу. В Монголии он слышал многих певцов и инструменталистов, особенно замечательным был выдающийся рапсод, монгольский музыкант Лубсан-Хурчи. Всего С.А. Кондратьев записал на фонограф свыше 1000 монгольских песен. Итогом его многолетних исследований стала вышедшая посмертно монография «Музыка монгольского эпоса и песен» (1970)²⁴, которая до сих пор представляет интерес для музыковедов, фольклористов, монголоведов.

Жизнь советских ученых, работавших в Ученом комитете, в Улан-Баторе второй половины 1920-х гг. с бытовой стороны была непростой. Достаточно подробно передает свои впечатления о быте «учкомовцев» жена С.А. Кондратьева — Мелитина Ивановна Клягина-Кондратьева (1896–1971) в недавно опубликованных воспоминаниях²⁵. Она была верной помощницей С.А. Кондратьева, участвовала вместе с ним в ряде экспедиций Ученого комитета, сама работала в Учкоме, заведовала библиотекой. В своих воспоминаниях Мелитина Ивановна Клягина-Кондратьева подробно рассказывает о внешнем виде здания Учкома и быте четы Кондратьевых в 1926 и 1929 гг. (приведено в изложении).

*Дом Учкома летом 1926 года*²⁶

Большой учкомовский двор был огражден забором с темно-красными воротами с толстыми перекладинами наверху. На территории двора в то

²⁴ Кондратьев С. Музыка монгольского эпоса и песен ...

²⁵ Из воспоминаний М.И. Клягиной-Кондратьевой / Публикация, введение и примечания К.Н. Яцковской // Монголика-VII: Сб. ст. / Сост. И.В. Кульганек. СПб., 2007. С. 87–101.

²⁶ Там же. С. 87–96.

время стояли различные китайские здания. При Учкоме жил пожилой сторож-дворник. С улицы раздавался лай собак, автомобильные гудки, низкое гудение труб из храмов.

Здание самого Учкома — «совершенно необычного вида» — представляло собой двухэтажный деревянный домик в четыре окна с наличниками и ставнями, ярко раскрашенными в синий, желтый и красный цвета. На террасу второго этажа, подпиравшуюся многочисленными столбами, вела наружная лестница. При входе на террасу стояла деревянная юрта с дверью, слева юрта соединялась небольшим крытым проходом со вторым этажом дома. Над двускатной тесовой темно-красной крышей «полукитайского типа» выступали две трубы.

В юрте были маленькие сени, в комнатах окнами на юг помещались канцелярия и кабинет руководителей Учкома. С.А. Кондратьев жил в другой комнате, с двумя окнами без занавесок на север. Она была скудно обставлена: небольшой столик у окон, посередине комнаты стоял простой деревянный стол, заваленный всевозможными вещами (коробки от фотопластинок, тетради, посуда, старенький чемоданчик Кондратьева и др.). Перед столом — табурет, в углу лежал скатанный войлок. За окнами терраса была узкая, как балкон. Отопление было печное, освещение — свечное.

Комитет наук МНР в ноябре 1929 года ...

В ноябре 1929 г. просторный монгольский двор Учкома в сравнении с 1926 г., когда М.И. Клягина-Кондратьева его увидела впервые, сильно изменился.

Ворота были переделаны, исчезли двухэтажная библиотека Дархан-вана, сквозной китайский дворик, учкомовский домик с террасой на столбах и деревянной юртой на ней, в котором Кондратьевы жили в 1926–1927 гг. Были построены два новых больших деревянных дома, один для научных кабинетов, другой в 1929 г. еще пустовал, и еще два дома — для библиотеки и канцелярии. Во дворе находились также несколько юрт и китайских сарайчиков с темно-красными чуть изогнутыми крышами и сарай для различного имущества, служивший одновременно гаражом для учкомовского доджа, переоборудованного из легковой машины в грузовую (примерно полуторку, вившую по монгольскому бездорожью до 100 пудов = 1,6 т груза).

Дом, в котором жили Кондратьевы, представлял собой типичную российскую деревенскую постройку из бревен с резными наличниками на окнах и белыми ставнями, которые на ночь закрывались. Рядом проходил забор. Как пишет сама Мелитина Ивановна, их с С.А. Кондратьевым небольшой, уютный и теплый домик напоминал вагон и они жили в нем,

словно ехали куда-то, вечно готовые сняться с места. Поблизости от дома Кондратьевых стоял белый дом, в котором жили А.Д. и М.А. Симуковы.

С.А. Кондратьев спал в спальном мешке на широкой деревянной кровати, напротив которой стоял большой стол, за ним на полу — длинный ящик с книгами, под окнами — выючные сундуки. Из мебели были еще высокий некрашеный шкафчик с множеством ящичков и красно-золотой монгольский шкафчик, на котором стоял патефон. На стене возле кровати — большая полка с книгами и картами.

Мелитина Ивановна жила в комнате чуть больше двухместного купе. Она тоже спала в большом спальном мешке из белой овчины, положенном на войлок на деревянном диване с ящичками внизу. Диван занимал все пространство от наружной стены до не доходившей до потолка перегородки, отделявшей ее комнату от коридорчика, в котором помещались примитивный умывальник над тазом и ведром, раскрашенный цветами китайский столик в углу и два деревянных сундука вдоль стены. Из окна, выходящего на восток, виднелась гора Богдо-Ула.

В комнате Мелитины Ивановны кроме дивана находился красный монгольский шкафчик с золотым узором, а под окном — монгольский сундук с национальным орнаментом. На стене висела некрашеная деревянная полка с книгами. Круглая железная печь терракотового цвета соединяла обе комнаты.

На кухне между окном и входной дверью помещалась белая печь-плита, здесь же находились большой черный рундук с экспедиционными одеждами, хозяйственными принадлежностями и посудой, кровать повара-китайца Фу-Чина²⁷ и стол без скатерти, за которым ели Кондратьевы и повар. Дрова привозили на верблюдах и пилили китайцы, в стоявший в углу бак из-под бензина водовоз-китаец заливал ведрами воду из привезенной им бочки.

В библиотеке (в другом доме), где работала М.И. Клягина-Кондратьева, после сеней двери вели: слева в восточный отдел, справа — в европейский. Окна были большие и широкие. Истопник-монгол растапливал печь. Иногда температура поднималась до того, что можно было снять шубу. Благодаря усилиям Мелитины Ивановны и ее девятилетнему опыту работы в Ленинской библиотеке в Москве книги были аккуратно расставлены по шкафам, заведены шифры и инвентарные номера, алфавитный и систематический карточные каталоги (отдельно монголоведение), инвентарная и топографическая книги. В день заходили один-два читателя.

Мелитина Ивановна раз в день уходила домой на пять минут. Работала до 14 часов. Уходя, забирала на дом пачку карточек, которые заполняла после работы.

²⁷ Фу-Чин — наемный китайский рабочий, повар в Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. П.К. Козлова.

Обед готовил и подавал Фу-Чин в белом фартуке, ели втроем. Супа обычно не было. За обедом супруги обменивались впечатлениями своего рабочего дня. Изредка подавал реплики и Фу-Чин. После обеда и перекура (курили все трое) Мелитина Ивановна иногда прогуливалась в город, на базар за покупками. По вечерам заполняла каталожные карточки. У Сергея Александровича свободное время до ужина было заполнено научными занятиями. Вечером ужинали, ужин был похож на обед. Иногда заходили гости (Тубьянские, Симуковы), тогда заводили патефон, слушали пластинки с произведениями Вагнера, Рахманинова, Шаляпина, Чайковского.

По воскресеньям Кондратьевых иногда приглашали в гости «всем Учкомом» (с Симуковыми и Тубьянскими), например к Шастиным²⁸ или Бадмажаповым²⁹.

Московский период

Вернувшись 1930 г. в СССР, Сергей Александрович заведовал музыкальной частью Московского драматического театра (1931–1936), в 1937–1938 гг. был дирижером Центрального театра Красной армии. Во вторую половину жизни С.А. Кондратьев сосредоточился главным образом на музыке. И здесь поле его деятельности широко: от композиторской работы по музыкальному оформлению спектаклей в Московском драматическом театре и созданию ряда оригинальных музыкальных сочинений, в том числе крупных (опера, балет, кантаты и др.), до перевода с английского языка, которым он блестяще владел

²⁸ Шастины — братья: доктор Павел (1872–1953) и Михаил Николаевичи Шастины, жена Павла Николаевича — Мария Игнатьева и их взрослые дети: женатый Николай (тоже доктор) и незамужняя Нина (1898–1980, впоследствии известный монголовед) Павловичи Шастины. У Шастиных было еще трое сыновей. Леонид Николаевич в 1920-е гг. жил с родителями в Монголии, двое других — в Ленинграде.

²⁹ Бадмажаповы — семья Цокто Гармаевича Бадмажапова: его жена Ида Павловна и семеро детей, в том числе четыре дочери Иды Павловны от первого брака. Бадмажапов Цокто Гармаевич (1878–1937) — кяхтинский бурят-казак, участник Монголо-Камской экспедиции П.К. Козлова 1899–1901 гг. в качестве переводчика. С 1902 г. на службе в кяхтинском торговом доме «Собенников и братья Молчановы» и других торговых учреждениях. Весной 1907 г. во время одной из коммивояжерских поездок обнаружил в низовьях р. Эдзин-гол на юге Монголии мертвый город Хара-Хото. В 1908–1909 гг. развалины Хара-Хото были изучены Монголо-Сычуаньской экспедицией П.К. Козлова. В 1931 г. арестован и выслан в Сыктывкар. После пятилетней ссылки некоторое время жил в Новосибирске, затем переехал в Ленинград. В 1937 г. вновь арестован и 15 декабря расстрелян в Новосибирске. Реабилитирован в 1957 г. О Ц.Г. Бадмажапове см.: Выдающиеся бурятские деятели XVII — начала XX в. / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Т.М. Михайлов. Улан-Удэ: Бэлиг, 1994. Вып. 1. С. 104–108; Ломакина И.И. Цогто Бадмажапов (Судьба первооткрывателя Хара-Хото) // Orient. Альманах / Гл. ред. Е.А. Хамаганова. СПб.: Утпала, 1998. Вып. 2–3. С. 186–203; Юсупова Т. И. (публикация писем). Переписка Ц.Г. Бадмажапова с П.К. Козловым // Известия РГО. 2004. Вып. 2. С. 75–96.

как переводчик³⁰.

Во время Великой Отечественной войны С.А. Кондратьев находился в Москве, писал музыку по заданию Союза советских композиторов, членом которого он стал в предвоенные годы. В послевоенный период по заданию Союза композиторов С.А. Кондратьев совершал неоднократные поездки по стране: в 1940–1950-е гг. посетил Коми АССР, бывал в творческих командировках в Якутии. В конце 1940-х гг. непродолжительное время занимался изучением песен донских казаков и встречался с их собирателем — исследователем А.М. Листопадовым³¹.

С апреля по июнь 1949 г. написал свой аналитический дневник-размышление³². Созданный через много лет после Монголии, московский дневник 1949 г. представляет собой личные наблюдения, размышления и выводы о советском строе, его достоинствах и недостатках, экономико-политических и идейно-духовных основах и их воплощении в реальной жизни. По сути, это своеобразное политико-нравственное эссе в дневниковой форме, философские размышления о времени и о себе, заявление собственной гражданской позиции. Лейтмотивом этих записей можно назвать нравственный императив Сергея Александровича: «ты также ответственен за все хорошее и за все плохое, что в этой жизни есть»³³.

У С.А. Кондратьева трезвый взгляд на изъяны и системную недостаточность экономики социализма. Не скрывает Сергей Александрович и своего скептического отношения к советской официальной печати и идеологической пропаганде «новой морали» советского человека, о которой «сотни газетных писак изо дня в день твердят, как попугаи, одно и то же».

Потрясающе смело для своего времени он недоумевает, почему форма власти в СССР носит название диктатуры пролетариата, тогда как «на самом деле мы живем в монархии». Систему управления государством он уподобляет конусу, на вершине которого Сталин, в основании — мелкие администраторы (преимущественно партийные); партия построена на манер военизированной организации, или ордена иезуитов; аппарат государственного

³⁰ Две его основные работы в этой области — небольшая, но очень ценная книга английского композитора и педагога, одного из основоположников современной английской композиторской школы Р. Воэна-Уильямса (Vaughan Williams) (1872–1958) «Становление музыки» (1961) и сборник музыковедческих статей Б. Шоу, который был не только признанным писателем, но и выдающимся музыкальным критиком — «Бернард Шоу о музыке и музыкантах» (1965).

³¹ Александр Михайлович Листопадов (1873–1949) — фольклорист. Собиратель и исследователь народных, главным образом донских казачьих и калмыцких, песен.

³² Подлинник московского дневника хранится в Архиве Института материальной культуры (Санкт-Петербург), фонд № 74. Передан Н.Н. Сафоновой (урожд. Павловой) — племянницей С.А. Кондратьева.

³³ Здесь и далее цитируется московский дневник 1949 г. С.А. Кондратьева.

управления — по армейскому образцу; Верховный Совет «играет декоративную роль», а бюрократическое управление традиционно для России зиждется на принципе «молящегося дурака»³⁴. Такая вот до боли привычная и понятная теперь схема тоталитаризма. Но эти строки отнюдь не из позднеперестроечной публицистики — они написаны в эпоху позднего сталинизма, это взгляд изнутри, из того времени.

Реконструированная С.А. Кондратьевым модель победившего социализма была бы неполной без упоминания о репрессиях. И он не избегает этой темы. Из своей современности Кондратьев отчетливо видит экономическую причину массовых репрессий — это нехватка бесплатных рабочих рук для индустриализации. Насильственный же метод угона «неблагонадежных» разрешил эту проблему «с необычайной легкостью». Оглядываясь в прошлое — на непрерывную историю российских карательных органов, он проводит прямую параллель между Тайной канцелярией Петра I, ВЧК и МГБ («явления одного и того же порядка»). Заглядывая в будущее, провидчески замечает: «Постыдное это глумление над человеком не избежит суда истории и останется такой же черной страницей в развитии социализма, как инквизиция — в распространении христианства».

С.А. Кондратьев затрагивает сложнейшую проблему нравственной ответственности, в том числе собственной, за массовые репрессии: «Вопрос о справедливости... остается на совести НКВД... народа... и на моей совести». Ибо «уничтожение невинных людей... не мелкая ошибка, а тяжкий проступок дурно организованной власти. И баланс здесь подвести не удастся. Так и придется жить: с глубокой преданностью Сталину за то, что отстоял родину от врага, и с великим отвращением к произволу властей. И никуда от этого не уйдешь, потому что... ты также ответственен за все хорошее и за все плохое, что в этой жизни есть».

И еще острее и откровеннее — почему *сам он* ничего не сделал для тех людей, в невиновности которых был уверен, почему не писал письма в инстанции, наконец, не вызвал к Сталину? Нужен беспощадный самоанализ, чтобы честно ответить на этот мучительный вопрос. И С.А. Кондратьев делает это в нескольких исповедальных, осудительно-простительных по отношению к самому себе строках: очевидно, и он подвергся влиянию тупого произвола, превратившего людей в марионеток: «С этой мыслью, с презрением к самому себе и придется доживать жизнь».

Автор дневника отвергает политический контроль и идеологизацию наук, в первую очередь гуманитарных и естественных, поскольку это ведет

³⁴ Имеется в виду русская народная поговорка «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб себе расшибет».

к догматизации и застою научной мысли, развращает одних ученых и коверкает жизнь других. Высказывает спокойную уверенность в том, что история все расставит по своим местам, и Д.С. Лысенко³⁵ будет низвергнут с незаслуженного им пьедестала, а «хромосомную теорию у нас станут изучать вновь». И оказался прав.

Много внимания Кондратьев уделяет тем областям, в которых он профессионально компетентен, — музыке и литературе («сам я всю жизнь занимался искусством и наукой»). Он отмечает пагубное влияние на советское искусство и его деятелей печально известных партийных постановлений «по культуре» 1946–1948 гг., и эти записи наиболее информативны и интересны. Его «Мысли о жизни» заслуживают внимания уже хотя бы потому, что одновременные событиям дневники той поры с критическими замечаниями в адрес режима крайне редки. А он доверился бумаге. Все это делает московский дневник Сергея Александровича Кондратьева не просто любопытным человеческим документом, но и информационно емким и правдивым историческим источником для изучения атмосферы и конкретных реалий конца 1940-х гг., для понимания умонастроений тогдашней творческой интеллигенции.

В 1956 г. С.А. Кондратьев вышел на пенсию. Скончался 13 января 1970 г. в Москве. На гражданской панихиде 17 января в помещении Союза композиторов на ул. Огарева, 13, с прощальным словом выступили композитор В.И. Мурадели и музыковед Л.Н. Лебединский, а также ученица Сергея Александровича по биологии в молодые годы — член-корреспондент АН СССР А.А. Прокофьева-Бельговская. Захоронение урны с прахом состоялось в Ленинграде на Мемориальном кладбище астрономов Главной астрономической обсерватории в Пулковке. Там же покоятся его жена, родители, три сестры и другие родственники.

Через всю свою жизнь пронес Сергей Александрович любовь к Монголии и идеалы служения Отечеству, народу, своему делу. В его дневниках, прозе, поэзии — глубокие раздумья о судьбах своей родины, страстное желание постичь и зафиксировать культуру иного народа.

В них утверждается идея плодотворности дальнейшего взаимодействия России и Монголии, что было доказано всей последующей историей.

³⁵ Лысенко Трофим Денисович (1898–1976) — советский агроном, основатель и крупнейший представитель так называемой мичуринской агробиологии, академик АН СССР (1939), АН УССР (1934), ВАСХНИЛ (1935). С именем Лысенко связана кампания гонений («лысенковщина») против ученых-генетиков, а также против его оппонентов, не признававших «мичуринскую генетику», или «учение Лысенко» («лысенкоизм»), которых он и его сторонники называли «вейсманистами-менделистами-морганистами».

Библиография С.А. Кондратьева³⁶

Научные труды:

Музыка монгольского эпоса и песен. М.: Сов. композитор, 1970. 248 с.;

О работах по изучению монгольской музыки в октябре–декабре 1923 г. в Урге // Изв. РГО. 1924. Т. 56. Вып. 1;

Пятилетний план работы научных экспедиций в Монголии // Хозяйство Монголии. 1930. № 1. С. 124–127.

Неизданные научные труды:

Музыка улигера (О монгольском эпосе. 1931);

Материалы по географии Хэнтэя. 1926 (машинопись, 65 с.);

Извлечения из дневника Западно-Хэнтэйской экспедиции с заметками о маршруте. 1927 (машинопись, 57 с.);

Доклад Ученому комитету о работе метеорологической сети в 1929 г. (машинопись, 20 с.);

Тельмин-нор и западная окраина Хангайского нагорья (по материалам Хангайской экспедиции Ученого комитета) (машинопись, 15 с.).

Переводы с англ.:

Воан-Уильямс Р. Становление музыки (1961), Бернад Шоу о музыке и музыкантах (1965).

Литературные сочинения:

Необычайные случаи на охоте и рыбной ловле. М.: Географгиз, 1960. 109 с.

Посмертные публикации стихов:

Кондратьев С. Весна в Кентэе: Стихи и поэмы / Вступ. ст. и публ. А.Л. Никитина. М.: Интерграф сервис, 1996. 123 с. (Серия: «Семейный архив. XX век»);

Кондратьев С.А. Утешение: Стихи и баллады / Сост., вступ. ст. и коммент. Н.Я. Богатыря; ред. Л.Г. Скородумова. Улан-Батор, 1999. 80 с.;

Никитин А.Л. ROSA MYSTICA. Поэзия и проза российских тамплиеров. М., 2002. С. 87–134 (18 стихотворений, баллад и поэм);

Кондратьев С.А. Стихи о Монголии / Предисл. И.В. Кульганек // Mongolica-

³⁶ Составлено по: Архив Музея-квартиры П.К. Козлова. *Кондратьев А.В.* Сергей Александрович Кондратьев (1896–1970). Воспоминания. Размышления; Музыкальная энциклопедия: В 6 т. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 2 и др.

VI: Сб. ст. / Сост. И.В. Кульганек. СПб., 2003. С. 124–134.

Музыкальные сочинения:

опера «Мужество» (1942); балет «Яг Морт» («Лесной человек») (1946); кантаты «Памяти Ленина» (1938) и «К 25-летию Коми АССР» (1946); пьесы для виолончели и фортепиано: «Родные просторы (Россия)», «Монгольская мелодия» и «Корейская мелодия» (1951); три романса на слова И.В. Гете (1956) и романсы на стихи Р. Бернса (изданы в стеклограмме); 6 детских песен для голоса и фортепиано на слова У. Вордсворта (1958); музыка для камерно-инструментальных ансамблей (квintет для струнных инструментов и кларнета, струнного квартета); хоры и вокальные ансамбли; музыка к ряду спектаклей (свыше 20 постановок) и кинофильмам.

Музыковедческие сочинения:

Русские народные песни в обработке для голоса с фортепиано: В 4 тетрадах. М.; Л., 1944–1947; Коми народная песня. М.: Сов. композитор, 1959. 144 с. (совместно с М.И. Кондратьевой); Якутская народная песня. М., 1963.

Неизданные музыкальные сочинения:

«Прелюд в старом стиле» (до минор) (1917); прелюд (ми мажор); романс (фа минор); романс на слова М. Волошина (1920-е гг.); довоенные баллады на рыцарские сюжеты (на собственные слова); «Политональный вальс» (1934); «На воде» (пьеса, 1935); «Колыбельная» (до минор, посвящ. М.И. Кондратьевой, 1934–1935); «Памяти друга» (пьеса, посвящ. А.И. Милорадовичу, 1939); «Импровизация» (миниатюра, посвящ. двоюродному брату А.В. Кондратьеву, 1940); «Ариетта» (миниатюра, посвящ. двоюродной сестре Е.В. Кондратьевой, 1940); «Вересковый мед» (баллада на слова Р.Л. Стивенсона, пер. С.Я. Маршака, 1943–1944); сюита из 8 вальсов (1958, в нее включен и сочиненный еще в 1934 г. «Политональный вальс»); «От Сана до Дона» (массовая песня, 1961); квинтет для струнных инструментов и кларнета; струнный квартет; соната для виолончели и фортепиано.

О С.А. Кондратьеве:

Музыкальная энциклопедия: В 6 т. М.: Сов. Энциклопедия, 1974. Т. 2; *Васильев Д.Д., Кульганек И.В.* Новое в оценке научного наследия и творческой личности С.А. Кондратьева // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.); *Они же.* Доклады российской делегации II: Филология. Культура. Религия. М., 1992. С. 18–23; *Они же.* Глазами участника экспедиции (по архивным материалам С.А. Кондратьева, участника

экспедиции П.К. Козлова в Монголию в 1923–1926 гг.) // *Orient. Альманах* / Гл. ред. Е.А. Хамаганова. СПб., 1998. Вып. 2–3. С. 219–237; *Кульганек И.В.* О духовности русской интеллигенции начала XX века (по дневникам С.А. Кондратьева) // *Наука и техника: Вопросы истории и теории: Тез. XXI годич. конф. Санкт-Петербургского отд. Российского национального комитета по истории и философии науки и техники «Санкт-Петербург как научный центр: Роль научного сообщества в контексте мирового межкультурного диалога»* (20–24 нояб. 2000 г.). СПб., 2000. Вып. 16. С. 207–208; *Жуков В.Ю.* Размышления о жизни в неопубликованном дневнике С.А. Кондратьева (1949 г.): побудительный мотив и психология времени // *Исторические персоналии: мотивировка и мотивации поступков: Матер. Всерос. науч. конф., 16–17 дек. 2002 г. Санкт-Петербург* / Под ред. С.Н. Полторака. СПб., 2002. С. 231–234; *Сафонова Н.Н.* О встречах братьев Кондратьевых с Ю.Н. Рерихом // *Труды II Рериховской конф., 2005 г.* СПб., 2005. С. 97–103; *Кульганек И.В., Жуков В.Ю.* Старший помощник П.К. Козлова: Судьба и творчество С.А. Кондратьева (1896–1970) // *П.К. Козловийн ахлах туслах: С.А. Кондраетвийн (1896–1970) амьдрал үйлс* // *Nomadic / International Institute for the Study of Nomadic Civilizations. Ulaanbaatar, 2005. N 11. P. 90–110* (орос хэлээр); *Жуков В.Ю., Кульганек И.В.* Дневники С.А. Кондратьева как источник по истории Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 годов и периоду «позднего сталинизма» // *Личность и культура. 2006. № 6 (34). С. 41–45*; *Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России* / Подг. текста, предисл., введ., коммент. и указ. И.В. Кульганек, В.Ю. Жуков. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. (Архив российского востоковедения.); *Кульганек И.В., Жуков В.Ю.* Первая монография о С.А. Кондратьеве (1896–1970) // *Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: Вторые Доржиевские чтения. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. С. 203–207*; *Жуков В.Ю., Кульганек И.В.* О научных и личных контактах русских путешественников и исследователей Монголии в первой трети XX века // *Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Третьи Доржиевские чтения: Матер. конф. Улан-Удэ—Иволгинский дацан—Алханай. 8–10 июля 2008 г.* СПб.: Нестор-История, 2009. С. 274–282.

V.Yu. Zhukov, I.V. Kulganek

S.A. Kondratiev and his Activities at the Scientific Committee of Mongolia

The article examines the life and activities of Sergei Aleksandrovitch Kondratiev (1896–1970), an explorer of Mongolia and a composer. Kondratiev had a wide scope of interests. He is known as a geographer, archeologist, composer, student of musical folklore, translator, poet and writer.

His life can be divided into three periods — a pre-Mongolian one (1896-1926), Mongolian (1923-1930), which falls into two stages embracing his participation in the Mongolian-Tibetan expedition of P.K. Kozlov and work at the Scientific Committee, and finally his Moscow period. At different stages of his life S.I. Kondratiev used to keep a diary which reflected his work in Kozlov's expedition, mainly his participation in the archeological excavations of the Noyon Uul mounds (1924–1925), and his later cooperation with the Scientific Committee of the Mongolian People's Republic (1925–1930). The article also cites the memoirs of his wife M.I. Klyagina-Kondratieva (1896–1971), another worker of the same committee, which shed light on the couple's life and work in Ulaanbaatar.

S. Kondratiev carried his love for Mongolia through all his life, keeping up his ideals of serving his cause. In his literary works one will find his deep reflections on the fate of his homeland and his ardent desire to comprehend and record another nation's culture, as well as his adherence to the idea of further fruitful cooperation between Russia and Mongolia.

The Appendix includes S.A. Kondratiev's bibliography.

С.А. Кондратьев, 1930-е гг.
Из личного архива В.Ю. Жукова

С.А. Кондратьев и М.И. Клягина-Кондратьева, 1950-е гг.
Из личного архива В.Ю. Жукова